

Ли Сяобо не сразу нашёлся что сказать. Осознав же, к чему всё идёт, он принялся отчаянно подмигивать Ли Сяофе, безмолвно призывая того не попадаться на крючок.

Но тот, всё ещё кипя от злости, намёков приятеля в упор не замечал.

Видя, что от усердного моргания у него едва не начался нервный тик, а толку всё равно ноль, Ли Сяобо решил вмешаться сам:

— Слышь, Хань Дуй, раз денег нет, чего в столовую-то лезть? Халявничать как-то некрасиво, не находишь?

Хань Дуй парировал с олимпийским спокойствием:

— Сяобо, мелко мыслишь, размаха тебе не хватает. Пролетарии всех стран — одна большая семья. Твоё — это моё, моё — это твоё. К чему эти буржуазные разграничения?

Ли Сяобо скептически хмыкнул и язвительно заметил:

— Ага, конечно, все пролетарии — братья. Значит, и твоё — наше. Вот ты бы нас тогда и угостил!

Хань Дуй лишь развёл руками:

— Да я бы с дорогой душой, только карманы пусты. Я ведь дома сидел, никого не трогал, а вы примчались как снег на голову — мол, пошли встречать. По-хорошему, ещё вчера предупредить надо было. Ума не приложу, о чём вы там думали.

Ли Сяофа и сам уже жалел о собственной несдержанности, но отступать было поздно — слово не воробей. Да и подумаешь, обед!

«Пусть только этот наглец набьёт брюхо, — злорадно размышлял Ли Сяофа. — А я вернусь и растрезвоню о своей щедрости на всю деревню. Пусть все знают, как я Хань Дуя облагодетельствовал! Семья Хань со стыда сгорит!»

Стоило ему это представить, как на душе сразу потеплело.

Шедший чуть позади Ли Сяоцзян робко потеревил Хань Дуя за рукав и зашептал:

— Сяо Жуй, может, ну их? Давай не пойдём. У меня тут завалилось двадцать фэней, купим пампушек да перекусим.

Хань Дуй лишь успокаивающе улыбнулся ему в ответ:

— Идём с ними. Слушай меня, не пропадём.

Они зашагали к небольшой государственной столовой возле автовокзала. Заведение оказалось скромным, внутри было занято всего несколько столиков.

Выбор блюд не радовал разнообразием — к этому часу осталась одна лапша. Подстрекаемый Хань Дуюем Ли Сяофа, сжав зубы, заказал пять порций лапши с мясной подливкой. Каждая миска обошлась в тридцать фэней и три лян продовольственных купонов. Итого: полтора юаня наличными и полтора цзиня купонов на зерно — для деревенских парней сумма немалая.

Оплатив заказ, компания уселась за стол скоротать время в ожидании обеда.

Ли Сяофа и Ли Сяобо демонстративно игнорировали Хань Дую, изо всех сил стараясь занять разговором Хэ Минхуэя и Ли Сяоцзяня.

Впрочем, самого Хань Дую напускная холодность ни капли не задевала. Он с невозмутимым видом оглядывал незатейливую обстановку заведения, лениво следил за неприветливыми работницами общепита и краем глаза примечал остальных гостей.

Всего в зале было занято столов пять. Совсем рядом расположилась компания из трёх человек. Стол у них ломился от редких по тем временам разносолов: тут тебе и жареная говядина с острым перцем, и ароматная утка в соевом соусе, и сочные свиные нити с зеленью.

Сама тройца тоже привлекала внимание.

Один сидел к Хань Дую спиной. Лица было не разглядеть, но его крепкая, широкоплечая фигура выделялась безупречной выправкой. Парень держался неестественно прямо, словно высеченное из камня изваяние.

Зато его собеседник напротив — симпатичный парень лет двадцати с небольшим — так и брызгал энергией, болтая без умолку, точно заведённый. По слову сразу угадывалось: приезжий. Третий сидел с самым будничным видом — ни рыба ни мясо. Они неторопливо перебрасывались редкими фразами, смакуя каждое блюдо.

Хань Дуй увлечённо изучал колоритных соседей, пока раздатчица не гаркнула на весь зал, что лапша готова. Трое парней пошли забирать миски. В те годы работники торговли и общепита чувствовали себя хозяевами жизни, так что вежливости от них ждать не приходилось, а самообслуживание было железным правилом.

Когда горячие миски наконец оказались на столе, все дружно взялись за палочки.

Посреди обеда Ли Сяофа вдруг сладко прищурился и язвительно спросил:

— Слышь, Хань Дуй, а ты в приличных заведениях лапшу-то хоть раз в жизни пробовал?

Ли Сяобо поддержал его насмешливой ухмылкой.

«Сам же угощает и сам же хамит, — мысленно покачал головой Хань Дуй. — Какое убогое эмоциональное развитие, сразу видно — рос без всякого воспитания. Что ж, придётся взять шефство над убогим и преподать ему урок хороших манер».

Он невозмутимо отхлебнул бульона и вздохнул:

— И то верно. Я много чего вкусного в жизни не пробовал. Да далеко ходить не надо — взять хоть это меню: я здешнее ситро в глаза не видел, жареную говядину и утку в соусе тоже ни разу не заказывал.

С этими словами он по-дружески похлопал оторопевшего Ли Сяофу по плечу:

— Так что теперь, браток, вся моя гастрономическая жизнь в твоих руках!

Ли Сяофа брезгливо передёрнул плечами и отстранился:

— Слышь, руки-то при себе держи! Нечего тут подлизываться, никакой я тебе не брат.

Хань Дуй не спеша промочил горло ароматным бульоном и вкрадчиво продолжил:

— Я — пролетарий из беднейшего крестьянства. Мои братья — такие же батраки да рабочие. Если ты мне не брат, выходит, ты отрекаешься от собственного происхождения? Надумал предать свой класс?

Ли Сяофа аж в лице переменялся и испуганно зашипел:

— Хань Дуй, ты полегче на поворотах! За языком-то следи!

Ли Сяобо поспешил вмешаться, пока дело не приняло политический оборот:

— Хань Дуй, ну зачем сразу ярлыки вешать и раздувать? Сяофа просто сморозил глупость. В широком-то смысле мы, конечно, все товарищи и братья по классу.

Хань Дуй посмотрел на Ли Сяофу со вздохом глубокого сожаления:

— Сяофа, парень ты вроде не жадный, но язык у тебя — враг твой. В народе ведь не зря говорят: «Коль молиться не умеешь — богов прогневишь, коль говорить не умеешь — людей обидишь». Тебе ведь уже не пятнадцать лет, разменял третий десяток, а ума так и не нажил.

Ли Сяофа едва сдерживал kloкочущую внутри злость. Он ядовито процедил сквозь зубы:

— Ишь ты, учитель выискался! Может, мне перед тобой ещё и поклоны бить, прощения вымаливать?

Хань Дуй великодушно отмахнулся:

— Ну что ты, не стоит утрировать. Человек я от природы незлобивый, душа у меня широкая — хоть баржи по ней пускай, хоть на тракторе катайся. Но раз уж тебе так неловко, ладно, загладь вину: закажи нам по бутылочке ситра да парочку закусок поприличнее. А то хлебать пустую лапшу всухомятку — только портить впечатление от похода в ресторан.

Ли Сяофа только зубами заскрипел.

«Вот же наглец, палец ему в рот не клади — по локоть откусит!»

Наученный горьким опытом, он предпочёл притвориться глухонемым и больше не шевелился.

Все дружно заработали палочками. Хань Дуй ел на удивление изящно и неторопливо, не издавая ни единого хлюпанья. Зато его спутники чавкали так усердно, что закладывало уши.

Ли Сяобо и Хэ Минхуэй, всерьёз опасаясь новой драки, изо всех сил старались разрядить обстановку шутливой беседой.

Ли Сяобо из кожи вон лез, лишь бы занять рот Хань Дуя безопасной темой, а потому в любое обсуждение старался втянуть его лично.

Разумеется, говорили в основном о новоприбывших комсомольцах, которых им предстояло забрать сегодня с поезда.

Хань Дуй краем глаза приметил: стоило им заговорить о городских ребятах, как компания за соседним столом дружно притихла и покосилась в их сторону.

Ли Сяобо спросил первое, что пришло на ум, лишь бы не молчать:

— Хань Дуй, а как думаешь, кого среди новеньких больше пришлют — парней или девчат?

— Да наверняка парней, — отмахнулся тот.

Тут Хэ Минхуэй озвучил вполне насущную проблему:

— Кстати, ребятки, а селить-то их куда? Прошлые потоки уже все пустующие хаты в артели заняли. Кое-кто вон даже в кладовой правления ютится. Куда мы этих-то пристроим?

— Распределим по домам к селянам, делов-то, — равнодушно буркнул Ли Сяофа.

Хэ Минхуэй покачал головой:

— Легко сказать. У наших людей и так теснота несусветная, яблоку негде упасть.

— А почему руководство бригады не построит отдельное общежитие для приезжих? — подал голос Хань Дуй.

Ли Сяофа так и покатился со смеху:

— Построить! Языком-то молотить легко. А деньги где взять, голова ты садовая? Наша производственная артель, да и вся бригада, по уши в долгах. Самые нищие в округе, будто сам не знаешь!

Хань Дуй веско, с пафосом истинного партийца, провозгласил:

— Вот именно ради этого я и намерен войти в руководство артели! Мой долг — беззаветно служить народу, вытащить земляков из нищеты и привести к зажиточной жизни.

— Сяо Жуй, ну ты силён! Вот это я понимаю — идейность! — восхищённо поддакнул простодушный Ли Сяоцзян.

Братья Ли обменялись быстрыми красноречивыми взглядами, в которых сквозило крайнее презрение.

Ли Сяофа честно пытался прикусить язык, но всё же не удержался от шпильки:

— Мечтать, конечно, не вредно, Хань Дуй. Да только молодым горячим головам не мешало бы иногда спускаться с небес на землю.

Хань Дуй лишь снисходительно усмехнулся:

— Как гласит народная мудрость: «Добрую лошадь ценят по бегу, а молодца — по его устремлениям». Ты ведь ещё совсем зелёный, а рассуждаешь как дряхлый старик, у которого всё позади. Жалкое зрелище, честное слово.

За столом повисла звенящая тишина.

Со стороны соседнего столика донёсся сдавленный смешок — то ли соседей развеселила эта перепалка, то ли они смеялись над чем-то своим.

Ли Сяофа, едва сдерживая дрожь в голосе, процедил:

— Ладно-ладно, ты у нас один герой-передовик, куда уж нам.

Хань Дуй великодушно кивнул, принимая похвалу:

— Наконец-то пелена спала с твоих глаз. Хвалю за прозорливость. — И, повернувшись к Ли Сяоцзяню и Хэ Минхуэю, скомандовал: — Налегайте на лапшу, ребята. Закончим — и пойдём прогуляемся по улочкам, разомнёмся.

Ли Сяобо, на которого возложили почётную обязанность приглядывать за строптивым Хань Дуем, тут же засуетился:

— Да куда там гулять! До поезда всего пара часов осталась, только ноги бить зря. Давайте лучше здесь посидим в тепле.

— Лапшу мы приговорили, выпивки и закусок на столе не наблюдается. Предлагаешь сидеть и в пустые миски пялиться? — резонно возразил Хань Дуй.

Ли Сяофа тут же уставился в пол с самым отрешённым видом. Раскошелиться ещё и на закуски он не собирался даже под дулом пистолета.

Случайно подняв голову, Хань Дуй поймал на себе взгляд того самого весёлого парня. Сосед на секунду смутился, но тут же широко улыбнулся и дружески кивнул. Хань Дуй вежливо ответил тем же.

Ему стало любопытно, кто они такие. По всему судя — тоже приезжая интеллигентная молодёжь. Будь они из их родной бригады, Ли Сяофа с братом наверняка бы с ними поздоровались. Раз промолчали — значит, ребята осели в соседних краях.

Покончив с лапшой, Хань Дуй поднялся из-за стола и направился к выходу. Братья Ли тут же подорвались с мест и пристроились следом, словно конвой.

Стоило им сделать пару шагов, как тот самый общительный парень из-за соседнего стола звонко крикнул им в спину:

— Товарищ, погодите! Сделайте одолжение, присаживайтесь к нам за столик, пропустим по стаканчику газировки. Уж очень хочется расспросить вас кое о чём!

<http://bllate.org/book/19655/1988223>